

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета о диссертации

Ван Исюань

на тему: «**Стереотипные представления о жилых и дворовых постройках в русских поговорках на фоне китайских: лингвокультурологический аспект**», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Всякое обращение к фольклорному, устноречевому материалу, исследование способов отражения в нем неких культурных констант национальной жизни, причем – отражения творческого, часто запечатленного в знаковые формы и символические смыслы, следует только приветствовать, а также учитывать, что дело это многотрудное, не всегда сулящее гладкого пути и скорых результатов.

В этом отношении диссертация Ван Исюань, посвященная пословичной репрезентации темы дома, причем в лингвокультурологическом аспекте, представляется мне **безусловно актуальной** — по факту привлечения обширного языкового материала для решения широкого круга исследовательских задач, а также обладающей **несомненной новизной** — прежде всего, по формулировке темы, заточенной на проблему культурного стереотипа из области устойчивых представлений о доме и жилище в целом, отраженных в пословице.

Следует сразу сказать, что предпринятая в диссертации попытка пошагово решить эту проблему с применением методов и лексикографического анализа лексем, входящих в поле «дом и домовые постройки», и их тщательного лексико-семантического исследования с анализом реализованных валентностей каждой из этих лексем в тексте пословицы, и метода (в самом широком понимании) лингвокультурологии, – эта попытка удалась, и работа как целое состоялась. Она большая, разноплановая и очень содержательная, а потому – **полезная**, особенно для будущего преподавателя русского языка как иностранного. Уверена, что сведения, полученные Ван Исюань в ходе работы над диссертацией, несомненно, ей помогут в преподавании русского языка, пожалуй, в самом сложном (для понимания иностранной аудиторией) преломлении – в его способности обобщенно, часто символически и чрезвычайно ёмко фиксировать неуловимые, порой трудно формулируемые даже для носителей языка, но сущностные национальные представления о том или ином жизненном явлении.

Очевидно, что пословичный мир в этом отношении – тем более уникален, что представляет мир реальный в особой, не всегда онтологически единой проекции: совершенно понятно, что часть из этих текстов имеет мифологическую, основанную преимущественно на языческих представлениях, основу, другие – родом из книжных (в том числе книжно-религиозных) источников, третьи – суть меткие хозяйственные наблюдения и бытовые премудрости, четвертые и вовсе настолько гетерогенны, что источниковая их стратификация вряд ли возможна

вообще. Очевидно (тем не менее) и то, что любая пословица – это все-таки единица «преобразованного мира», в котором это преобразование есть не что иное как культурное приращение к исходному смыслу, исходному значению, каким бы оно ни было по происхождению. В самом деле, например, записанная А.С. Пушкиным пословица «В кабак далеко, да ходить легко — в церковь близко, да ходить склизко»¹, – конечно, не про кабак и не церковь, а про выбор православного человека между праздностью и духовным трудом.

В этом отношении меня сразу насторожило название рассматриваемой диссертации, и уже с первых страниц своего отзыва мне бы хотелось вступить в дискуссию с Ван Исюань по поводу этого. Всегда ли тексты рассматриваемых пословиц отражают представления именно о доме и придомном пространстве? – Мне кажется, что большая их часть – это представления и знаковые суждения о чем-то более высоком, что, наверное, в самом общем виде можно назвать «духовной культурой» народа. И дом, и его части, и его сугубо земные функции выступают лишь своеобразным герменевтическим инструментом – понятным и близким простому человеку – для достижения и разъяснения этих высоких смыслов.

Например, на с. 64 читаем: «в русских ПЕ лучшим подарком другу признается дом, жилище (*Чем врагу яму рыть – построй дом другу*)». В том ли глубинное значение (*подарок другу?*) этой пословицы, имеющей в своем составе компонент «дом»? – Скорее всего, как верно отмечено в диссертации чуть раньше, двухчастность пословичной структуры создает в данном случае удивительный антонимический бином, не известный литературному языку. А именно – *яма* и *дом* – как две знаковые полярные, культурно многослойные содержательные символы, которые, на мой взгляд, демонстрируют здесь важнейшее нравственное установление русского человека: не отвлекайся на зло, делай добро, где зло символизирует *яма* (через метонимию – *дно земли, могила, смерть, забвение*), а добро – *дом* (и снова метонимически и общепольклорно – это *тепло, семья, уют и радость*).

Общезыковая антонимия *друг – враг* лишь подчеркивают, делают более понятным этот трудный нравственный выбор, представленный в императивной конструкции, еще более усиливающей назидательный характер данного конкретного текста. Это, конечно, не «подарок» в том смысле, в каком его понимает человек в повседневном своем существовании. Да и нет в пословице прямых значений априори (или их очень мало), а есть то природное мудрствование, та интеллектуально-творческая переработка исходно прямых значений, что рождает общенациональные символы. Это, например, тонко чувствуют большие поэты, используя уже готовые символы в своих текстах, даже повседневных. Не могу отказать себе в удовольствии привести фрагмент из письма Марины

---

¹ Запись, сделанная А.С. Пушкиным на полях книги «Собрание 4291 древних российских пословиц» (1770) // Любимые пословицы и поговорки А.С. Пушкина [<https://dzen.ru/a/Yyi5vhCgBCYLeANR> – 06.06.2023].

Цветаевой в пору холодного и смутного для нее 1919 года, где мечта о доме для поэтов – это, конечно, символ:

Я бы хотела построить дом для поэтов — чтобы камин пылал, кофе кипел, а они бы ничего не делали, — только писали стихи (НКРЯ).

Важное значение в этой поговорке играет и глагол «строить», данный в повелительной форме в сочетании «построй дом». В нем содержательно «пульсирует» символ Троицы, духовного ориентира в назидательном пословичном суждении о духовном выборе русского человека.

Тот же символ, но уже лексически явно, фиксируется в другой поговорке, которую приводит Ван Исюань и, на мой взгляд, тоже трактует несколько прямолинейно: (с. 47) *Без троицы дом не строится, без четырех углов изба не становится.*

Ван Исюань пишет о том, что (цитирую) «в процессе строительства домов у русских крыша и углы являются основополагающими» (с. 47). Стилистически здесь есть очевидные шероховатости, но речь не об этом, а о том же, на мой взгляд, не вторично мотивированном, а реальном, т.е. обыденном толковании прямых значений в условиях особенного текста с особой судьбой и особым, символическим содержанием. Да, традиционное срубное строительство бревенчатых изб предполагало наличие четырех углов т.е. «по технологии» этого типа возведения жилища. Но в поговорке имеется в виду, конечно, не столько этот реальный факт, сколько то, что основательность какого-либо дела невозможна без соблюдения многовековых правил жития, поскольку «строить», т.е. «созидать» следует уповая на благословение свыше, а «ставить», т.е. «создавать прочное основание для жизни» (отсюда – *стан, стойбище* и под.), следует по традициям земным (опыту). В той же двухчастности поговорки видим иную смысловую оппозицию: *земное – божественное.*

Конечно, есть и такие поговорки, которые еще не совсем оторвались от своего реального предмета. Например, суждение о том, что «Дом не велик, да лежать не велит» – демонстрирует значение, хорошо продемонстрированное в диссертации, а именно – констатацию того, что всякий (даже маленький) дом, всякое (даже незначительное) хозяйство – это большой труд, без отдыха и покоя. Но совершенно очевидно и то, что эта же поговорка может употребляться в ситуациях, когда необходимо обозначить плотную занятость от бесконечных хлопот по какому-либо делу, возможно, на первый взгляд, весьма незначительному. В том ее, поговорки, свойство – умение одновременно быть и речевой конкретностью, и символическим обобщением. При этом совершенно очевидно, что эти две ипостаси смысловой структуры поговорки надо разбирать и учитывать отдельно.

Отрадно, что Ван Исюань использует в работе над своим материалом замечательные исследования этнографического, этнолингвистического содержания: это и известная монография А.К. Байбурина «Жилище в обрядах и представлениях славян», и материалы словаря «Славянские древности» под

редакцией Н.И. Толстого и др. исследования схожей проблематики. Иными словами, междисциплинарная оснащенность этой темы отчетливо ею ощущается. И это надежный залог, я уверена, будущей работы нашей соискательницы, которая непременно должна продолжить свое исследование, тем более – на фоне родной ей, китайской культуры – но с еще более глубоким анализом ключевых компонентов отобранных ею пословиц. В том должны ей помочь прекрасные исследования, пока не вошедшие в список освоенных ею работ. Я имею в виду, например, труды Т.В. Цивьян², очень интересную и полезную, особенно в плане грамматического отражения культурной семантики, монографию П.П. Червинского³, многочисленные статьи Н.И. и С.М. Толстых⁴ о культурной общеславянской семантике отдельных компонентов народной паремии и др.

Поспорю с трактовкой культурной семантики «угла», которую презентует наш соискатель в общем суждении о некотором противоречии содержания пословиц с одним лексическим компонентом. На с. 119 читаем: «*Изба красна углами, обед – пирогами; В своей хате и углы помогают; В своём доме и стены/ углы помогают; Не тесна изба углами – [а] тесна умами*. Углы здесь реализуют значение ‘внутреннее убранство, порядок, чистота’. С другой стороны, эта характеристика жилища не столь важна в сравнении с угощением, которым хозяева встречают гостей: *Не красна изба углами, а красна пирогами*». – Не согласна. Я этих противоречий не вижу совсем, но совершенно отчетливо ощущаю метонимическую эволюцию значения основательности строения, о чем шла речь выше, с переходом на важнейшее для крестьянского мировоззрения значение «своего пространства». О чем, кстати, свидетельствуют и данные словаря «Славянские древности», в томе 5-м которого на 5-ти страницах располагается словарная статья «угол» с многочисленными отсылками, в том числе, и к паремийным текстам⁵.

В этом бинномном противополжении ключевой компонент – «красна», поскольку культурная функция угла двоякая; угол – это и знак основательности своего места (*не тесна изба углами*), это (цитирую словарь) «место обитания предков-покровителей и домового», а с другой стороны, «средоточие богатства семьи». Оба эти состояния могут быть обозначены синкретичным эпитетом-предикатом «красна». Поэтому вариант «*Изба красна углами, обед – пирогами*» более чем уместен. С другой стороны, пространственная отдаленность угла в большом богатом доме может быть причиной того противопоставления, который верно отметила Ван Исюань, но объяснила неверно. «Пироги» – знак достатка богатого дома, вещь переменная, поэтому вполне логичен и житейски возможен вариант с отрицанием: *Не красна изба углами, а красна пирогами*».

² Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2006.

³ Червинский П.П. Семантический язык фольклорной традиции. Ростов-на-Дону, 1989.

⁴ Например: Толстая С.М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // СБФ. 1986; Толстой Н.И. Из великорусской диалектной семантики // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1970 и др.

⁵ Славянские древности: в 5 т. / общ. ред. Н.И. Толстой. Т. V. М., 2014. С. 342.

Обращение к дефинициям, которые фиксируются в словарях современного языка, дает недостаточную и нередко искаженную информацию при анализе таких реликтовых текстов, какими зачастую и являются пословицы.

Нет, с моей точки зрения, и противоречий в содержании пословиц с компонентом «край». На с. 66 читаем: «Противоречивость паремики проявляется в том, что пословица способна выражать и смысл, прямо противоположный тому, что содержится в иных изречениях. Так, ПЕ *Моя изба/ хатка с краю, ничего не знаю* указывает на то, что отдельный *дом – это способ избежать конфликтов*. Речь в ПЕ не столько о местоположении дома «с краю» (деревни, села) – в некотором отношении весьма удачном, но её также следует рассматривать как комментарий к безразличному отношению человека к общественным интересам, к чужим проблемам, нежеланию оказать кому-либо помощь. С другой стороны, этому представлению противоречит см. также ПЕ *моя хата с краю – первым врага встречаю*».

И снова поспору. Слово «край» – многозначно и многосодержательно: «рубеж, грань, кромка, ближайшая к наружности полоса»⁶ – таковы семантические возможности этого слова, наделенного еще и мифологической коннотацией ‘близости к чужому’, потому человек, живущий с краю, построивший дом на краю села, т.е. общего пространства, – он и не свой, и не чужой одновременно, он – с краю. Это – позиция. Как следствие, он ничего не слышит-не видит, однако по той же причине он первым встречает врагов, из всех чужих «самых чужих», самых нежелательных. Но – таков удел «крайних», живущих на грани, на кромке «своего» и «чужого» пространства. Неслучайно поэтому значение ‘крайний, заведомо подозреваемый, виноватый, осуждаемый первым, часто без всяких оснований’ – сохраняется в русском разговорном языке и поныне.

По всему видно, что поводов для разговора, для дискуссий в работе много. И это вполне объяснимо – материал сложный, требующий тщательности и этнокультурного всматривания в каждый компонент пословицы, в том числе в его грамматическую структуру, которая порой сама по себе – уже содержание символического уровня. Чего только стоят повторы, инверсии и многочисленные структуры с отрицанием. Так, сложная для понимания современным человеком пословица (с. 67) *Чтоб варево уварилось, изба теплом поскопилась* – явно имеющая глубокие символические, культурные значения как результат внутренней метонимии (*дом – печь – тепло – семья – еда – жизнь*), в грамматическом отношении также не менее уникальна (ср.: *Когда в печи жарко, тогда и варко*). Однако эта работа – безусловно, на перспективу, что всегда хорошо характеризует уже сделанное.

А сделано Ван Исюань немало. Ею проработана солидная серьезная литература, отобран обширный текстовый материал – 629 пословиц, проанализированы способы вербальной презентации символические и культурные

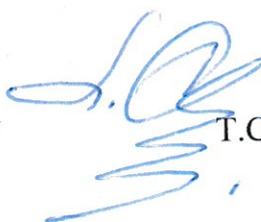
⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. II. СПб.; М., 1881. С. 184.

представления русского человека с использованием компонентов тематической зоны «дом и двор». Анализ этих представлений в логике биномной структуры классической русской пословицы, несомненно, украшает работу и делает ее выводы вполне репрезентативными.

Таким образом, следует констатировать очевидное: диссертация **Ван Исюань** на тему: «**Стереотипные представления о жилых и дворовых постройках в русских поговорках на фоне китайских: лингвокультурологический аспект**», соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель **Ван Исюань** заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не обнаружены.

Член диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка СПбГУ

Т.С. Садова

06.06.2023